Северный синап / рассказ

Category: Hekaýalar,Kitapcy
написано kitapcy | 24 января, 2025
Северный синап / рассказ СЕВЕРНЫЙ СИНАП

Мой папа не помнил когда у меня был день рождения, зато прекрасно помнил названия сортов яблонь в саду у соседа: Северный синап, Пепин орловский, Кандиль китайка… Музыка для слуха, выбитая золотыми буквами в моей памяти.
Он обязательно звонил мне на именины и говорил сладостным голосом:
— Ангелу злат венец, тебе доброго здоровья, любимая моя.
После этого пожелания он получал два сухих холодных в щеку и клал трубку, чтобы забыть меня до следующего года.
Он вяло перезванивался со мной несколько лет, после того, как случайно потерял. Это случилось лет тринадцать назад, после бабушкиной смерти. Не было смысла общаться, да я уже и победила жадное желание говорить с ним и видеться.
Он осмелился позвонить моей матери в один из октябрьских смутных дней, во время улетающих гусей, на которых я почти две недели смотрела с горечью и тоской из окна роддома, где меня заперли на несколько недель.
Он и мама приехали ко мне и стояли у плачущего теплом окна, внизу, потом отошли немного и сели вдвоем на скамейке. Впервые вместе за много лет.
Я смотрела на них и думала, что вот, если бы я завтра умерла от родов, это было бы самое счастливое воспоминание последних часов моей странной жизни. Он и она, два престарелых и ярких человека на фоне чёрного асфальта, забросанного жёлтой листвой.
Но я не умерла, а благополучно родила и вскоре уехала домой.
Через месяц папа приехал с бутылкой шампанского и мы сидели втроём в гостиной и отец осушив бутылку «Брюта», опустил туда сторублевку.
— Буду вот к вам приезжать и опускать в бутылку сто рублей… И наберётся много денежек, — сказал он пьяным голосом.

И уехал.
Бутылка, набираясь пылью и вынашивая надежду на пополнение так и осталась стоять за шкафом, пока ее не выбросили однажды.
Снова я не могла найти связующие нити, чтобы встретиться с папой, другие дела меня опутали. Он приезжал ещё несколько раз на несколько минут. Когда моя дочь пошла в сад, когда пошла в школу и когда окончила ее.
Он иногда звонил,боясь, наверное, опять потеряться.
В целом, у него всё сложилось, жена Наина и два сына, свои заботы и разделяющие нас восемнадцать километров Москвы. Наследство бабушки и деда он отписал сыновьям, в том числе и квартиру стариков.
Я же получила только золотые сережки, которые бабушка успела мне передать перед самой кончиной.
Но вот прошли годы и жена папы, Наина, умерла. Я вышла замуж, дочь выросла, но так и не могла запомнить, что где-то у неё живёт ещё один дед. Ей вполне хватало любви моей мамы и её нового мужа.
Папа стал звонить мне чаще, приезжал посмотреть внуков, которых с годами стало чуть больше, и с вдохновением рассказывал о новой любви, будущих надеждах, красивых молодых женщинах, которые были для него «в самый раз». Он нисколько не изменился, не осел, и выглядел, как морёный дуб посреди давно сложившегося от ветра осинника. Такой же высокий, лысоватый, с красивым голосом и простоватым взглядом прозрачно-серых глаз. Казалось, его не тронули молоты жизни. Он родился и жил всегда в одном месте. Работал неподалёку, токарем на заводе, теперь наслаждался пенсией.
Мой муж недоверчиво смотрел на тестя, а когда начинались скользкие разговоры о дамах и вовсе уходил, не в силах вынести этой неприличной для него пошлости.
Я слушала, надеясь, что папа вот – вот спросит меня, как я живу, чем дышу, о чем мечтаю.
Смешно, конечно, было надеяться на это, но я слушала его.
– Почему ты не можешь отомстить ему, поставить его на место? О чём хотя бы он спрашивает?
– Ни о чем. Рассказывает мне об успехах моих братьев и их

проблемах. Всё, как всегда. Вечная тема.
Надо сказать, что сами братья мне никогда не звонили. Их растили отдельно от меня, и если со старшим я в детстве успела немного поиграть, то младшего помнила лишь по двум неприятным эпизодам, когда оказывалась перед Наиной виноватой в его шалостях .
Что ж, наверное, я была рада обретению общения с отцом.
Он же рассказывал о наших предках, о бабушке и дедушке, о двойной жизни умершей жены и иногда спрашивал, как мать. Матери я не говорила, что он заезжает, чтобы она не ревновала меня. Я была рада, что папа пережил черную полосу, всё-таки он долго жил с Наиной.
Однажды мы вздумали переезжать. В новой квартире пришлось делать капитальный ремонт, но денег у нас не было.
Тут и позвонил папа.
— Милая, так мы со Степкой сделаем тебе ремонт! У нас и парень есть знакомый, плиточник!
Я радостно согласилась на его помощь. Он приехал со Степкой, старшим моим братом, неразговорчивым громадным телком с пудовыми кулаками.
— Ну, ерунда! Быстро сделаем! — заключили они.
И работа закипела. А потом папа привел Магомета, плиточника. Молчаливого долговязого дагестанца.
Папа знал, что мы на мели и обещал помочь нам не разориться.
Договорились на сравнительно небольшую сумму, чтобы заплатить плиточнику Магомету.
После были трудовые будни. Нам пришлось снять Магомету хостел, потому что ему было негде жить.
Я была беременна на последних сроках, но днями не могла выйти из комнаты — ремонт шел и в туалете и в ванной, пыль и грязь приходилось убирать по нескольку раз в день, а вечером из садика и школы приходили старшие дети и заботы не давали мне продыху до глубокой ночи.
Когда минул срок, оговоренный с Магометом, тот грустно сказал:
— Всё, казяйка, у меня нет времени больше и пора уезжать на другой обект.
Я вздохнула печально, глядя на горы мусора и недоделанную

работу и позвонила папе.
— Пап, это твой друг, спроси, сколько я ему должна?
Папа сразу же ответил:
— Мне отдашь, а я ему переведу.
На том мы и порешили.
Папе и брату Степану, который отлынивал от работы по причине своей невероятной занятости в недавно созданной на горячую руку семье, оставалось выложить плиткой маленькую туалетную комнату.
Муж мой по мере возможности помогал с ремонтом, но его рабочий график не позволял отдаться процессу в должной степени.
Папа приезжал каждый день, подолгу пил чай с пряниками и рассказывал о том, как хорошо ему жилось в начале девяностых…
В то время он уже родил второго сына в новой семье, а я и мама, работавшая на трёх работах, влачили полуголодную жизнь.
Как, впрочем, многие тогда.
Но папа жил хорошо, даже отлично, и, чтобы не платить алименты купил мне швейную машину «Веритас» с электроприводом. Хотя, если честно, алименты он не платил никогда. Деньги мне давала бабушка, если уж совсем ей становилось меня жалко.
В то время папа был сторожем подвала, где местные ларёчники хранили залежи сладостей в коробках, сигареты, спирт «Роял» и ящики ликёров « Амаретто».
Приходя к папе, я видела эти пустые коробки, с которыми играли мои братья, и уходила, сжимая в руке жалкую конфету «Сникерс» или печенье «Вагон Виллс».
Папе ларёчники хорошо платили за склад и у него даже появился компьютер JVS на котором играл Степан.
Папа ещё рассказывал о новой любви, но эта новая любовь оказалась родственницей покойной Наины и знала всю подноготную о нем и о ней, и потому, видимо, не спешила сходиться с овдовевшим папой.
Он рассказывал о драгоценностях прабабки и миллионных доходов с лесных заводов, которые сгорели вместе с банком перед революцией, как не вышло нашим предкам бежать за границу.
Он указывал на моё лицо, в котором узнавал черты прабабушки Пелагеи, прабабки Натальи, мои привычки (привычки бабки

Валентины), мой профиль, в точности как у прадеда Александра.
Я счастливилась этой порой, я словно обрела папу снова.
После рассказов, уже к полудню, папа удалялся работать, класть плитку. Клал ее с полчаса, оглушительно кряхтел, так, что мне становилось не по себе, и уходил курить, переговариваясь по телефону с кем-то из своих пассий, а потом опять длились пряники, прерываемые на краткие промежутки работы.
Видимо, ему было хорошо у меня.
Муж пропадал на работе, дети в саду и школе и никто не мешал папе болтать со мной до того, что у меня затекали ноги от вынужденного сидения.
Однажды, уходя, папа неожиданно сказал моим разгулявшимся детям:
— Чего вы разорались? Идите в свою комнату! — и необыкновенную обиду испытала я, будто треснула скорлупа тяжёлого беспамятства и выпустила откуда — то, сквозь залежи лет, старательно забываемое неприятное чувство.
Мои брови поползли вверх. Я молча захлебнулась гневом.
На следующий день папа не пришел. Он заболел.
После трёх дней отдыха он вернулся, словно побитый.
— Это самое… — сказал папа уклончиво, — там Степан хочет купить шкаф — купе… Дай нам немного денег. Его эта, типа жена, ходит и ходит со своим пузом … Вредная такая оказалась… Не ожидали мы.
Надо сказать что младший брат Сева давно съехал от отца и матери, имея самостоятельный характер, а Степан не работал и жил на деньги, полученные от сдачи в наём бабушкиной квартиры. Ну, не хотел он работать.
Во время долгой и тяжёлой болезни Наины Степан случайно познакомился с девушкой. Та забеременела и пришла жить к отцу и брату сразу после Наининой смерти.
Теперь им нужны были деньги. Юная жена Степана оказалась непростым человеком. Она взяла быка за рога и начала заводить свои порядки, но однажды папа и Степан поругались и подрались у неё на глазах, как они обычно это делали. Наверное, молодая жена задумалась, в тот ли дом она попала.
Я дала папе денег, сколько он попросил.

Он обрадовано смял бумажки, вытер лысину и пошел курить.
Я пересидела дома все возможные сроки и должна была бежать на работу. Оставила его с внуками.
Придя домой очень поздно, я встретила растерянного мужа.
— Он странный! — удивлённо сказал муж.- Он смотрит на своих внуков, как на шелудивых котят!
Я невесело улыбнулась. Да, скоро у него родится внук от Степана, и мы снова отдалимся.

Папа стал пропускать дни и муж сказал:
— Слушай, тут на полчаса работы, я сам доделаю все! Скажи ему «хватит»!
Я ещё раз приняла папу, послушала его рассказы о войне, о чувстве долга и путешествиях на Каспий и в Таджикистан.
Из его рассказов можно было сложить красочную книжку с целой россыпью лубочнных историй для букинистической лавки.
Он был героем-любовником и мастером-на-все-руки, праведником и хитрецом, вопиющим голосом в пустыне, честным тружеником, одним словом, сказочником.
Только обо мне он ничего не говорил, будто я не жила в его прошлой жизни затравленным маленьким зверьком, каждый день ждущим его возвращения с работы, пока он годами ходил мимо нашего дома к своей новой семье.
Я никогда с ним столько не общалась. Ни разу в жизни.
И вот, наконец, наверное, это моя усталость прорвала дамбу.
До родов оставалось несколько недель.
Когда он не пришел через день, я позвонила.
— Папа… Мы тут должны уехать, нас не будет, в общем. Давай я тебе деньги переведу. Сколько я тебе должна?
— Хорошо, моя милая, — обрадовался папа, даже не поинтересовались куда нам ехать на моих сносях, будто ждал этого как благой вести.
— Семьдесят пять!
Я замолкла.
— Тысяч! — поправил папа довольно.
— Но мы договаривались на тридцать пять…
— Дорогая моя! — сказал он совсем другим, чужим голосом, в

котором уже не было ни золотых песков Бухары, ни счастливого детства его детей с коробками «Куку – руку» – вообще-то эта работа стоит двести тысяч!
И он стал объяснять мне какие-то сметы, рассказывать про тяжесть труда, мешки цемента, склоненную над затиркой голову, уставшие колени, сердце, печень и несчастный брак Степана.
– Да, да… я заплачу… сбрось мне номер карты.
Он что-то ещё сказал, но без оправданий.
– Отлично, – оловянно откликнулась я, – муж тебе передаст деньги.
Когда муж пришел с работы, я сидела на диванчике в окружении детей и смотрела мультфильм , чтоб не разревется.
– Что с тобой? – спросил муж, испугавшись за меня.
Я уткнулась в его большую грудь и он погладил меня по голове.
– Я чувствую себя интердевочкой, которая из того фильма. Подлое ощущение.
– Я тебе говорил, солнышко. Люди не меняются. Не звони ему больше.
Да он и сам позвонил только через год.
Малыш наш уже родился, жизнь текла в вечных заботах, в радостях и проблемах, слезах и счастье…
– Привет, родная! У нас все хорошо … Живём со Степаном в деревне. Квартиру сдаём. Да, у него сын родился, но они с женой развелись перед родами.
Севка в Германии, работает. Звонил… Говорит: Как сестрёнка? Я говорю, да как, хорошо, помогаем ей, вот, делали ремонт. А кто ещё ей поможет?
С любовью моей не вышло. Не захотела она, дурочка… да и старая она для меня. Ей уже под шестьдесят!
– А как мать?
– Хорошо, – обалдело говорила я, – все нормально.
– Яблоки то у неё уродились? У моего соседа прям лопаются ветки… Ох, красота! хорош Северный синап… Он всю зиму лежит, ничего с ним не делается. Не берет его никакая гниль, вечное яблоко!

Об авторе: ЕКАТЕРИНА БЛЫНСКАЯ

Поэт и прозаик. Родилась в Москве в 1979 году. В 1998 году окончила Театральную мастерскую Ролана Быкова, работала в театре. Окончила Экономико-гуманитарный институт, юридический факультет (гражданское право). Публикуется с 1999 года. Выпускница Высших литературных курсов. Член Союза Писателей XXI века, член Союза Писателей Кузбасса. Лауреат международного музыкально – поэтического конкурса «Фермата» за 2016 год. Дипломант литературного форума « Золотой Витязь» 2018 г. В номинации « Поэзия» , Лауреат журнала « Зинзивер» за повесть « Птицеловы» .Публикации в журналах «День и Ночь» , «Зинзивер», « Наш Современник» « Нева», «Сибирские огни» « Дети Ра», «45-я параллель», «Поэтоград» (Москва), «Литературные известия», «Литературная Россия» , « День Литературы» и др. Автор трех книг стихов. Замужем, четверо детей. Hekaýalar